

Смысловая аура «психологизма»

В.В. Печенков

В свете представления о двух направлениях в познании – горизонтальном и вертикальном – выделяются и обсуждаются две группы способов (стратегий) понимания индивидуальности – поверхностные и глубинные. Первые сосредоточены на структуре и статических параметрах индивидуальности, и ограничиваются наблюдением и объяснением, а глубинные способы обращены на динамику и метаморфозы, стремясь проникнуть в причины происходящих изменений. Среди глубинных способов центральное место отводится психологическому, в основе которого лежит понятие «психологизма» (Л.М. Баткин). Предлагается расширить «психологизм» авторской гипотезой о динамическом подходе к постижению индивидуальности, чтобы иметь возможность соотнести его с основными параметрами современной научно-исследовательской парадигмы.

Ключевые слова: индивидуальность, «психологизм», объяснение и понимание, ризоморфная среда.

Горизонталь и вертикаль познания

Обилие работ, претендующих на постижение индивидуальности, может быть расценено не как знак повышенного внимания, а как свидетельство поверхностного, и даже пренебрежительного отношения, поскольку в большинстве случаев «постижение» удовлетворяется отнесением индивидуальности к тому или иному типу. Привычку скользить по поверхности можно объяснить отчасти традицией, отчасти незатейливостью аддитивно-типологической стратегии, настойчиво, но безуспешно пытающейся сложить целостную индивидуальность из кубиков индивидуальных различий. Безыскусность аналитического подхода надежно заслоняет собой возможность познания с других точек зрения, а потому попытки разглядеть в индивидуальности нечто иное все еще пребывают в меньшинстве, не встречая пока широкого интереса в психологии.

И все-таки, по мысли М.М. Бахтина [3], там, где познание направлено на индивидуальное, там критерием должна быть не точность познания, а *глубина* проникновения.

Давно замечено, что в познании всегда присутствуют две возможности, два пути. Один – горизонтальный, поверхностный. Иной – вертикальный, глубинный. Соотнося вертикаль с семантической фигурой *глубины*, мы тем самым предполагаем существование непроницаемой поверхности, под которой скрыто нечто: корни, сердцевина, ядро, сущность, незнание, будущее, прошлое, подсознание, истина, все что угодно. Иными словами, «вертикаль-глубина» неоднозначна и таит в себе возможность совершенно разных прочтений и соответствующих им представлений о технике погружения в изучаемую проблему.

Парадокс двойного бытия

Догадка о существовании двух осей познания имеет давнюю историю, что засвидетельствовано в одной даосской притче [12, с. 7]: «Князь Му, повелитель Цзинь, сказал Бо Лэ: "Ты обременен годами. Может ли кто-нибудь из твоей семьи служить мне и выбирать лошадей?" Бо Лэ отвечал: "Хорошую лошадь можно узнать по ее виду и движениям. Но несравненный скакун – это нечто таинственное и неосязаемое, как

утренний туман. Мои сыновья могут отличить хорошую лошадь, но узнать несравненного скакуна они не могут. Однако мой друг, Цзю Фангао, не хуже меня знает толк в лошадях. Призови его к себе".

Князь так и сделал – послал Цзю Фангао на поиски коня. Спустя три месяца тот вернулся и доложил, что лошадь найдена. "А какая это лошадь?" – спросил князь. "Гнедая кобыла", – был ответ. Но когда послали за лошадью, оказалось, что черный, как ворон, жеребец.

Князь в неудовольствии вызвал к себе Бо Лэ.

– Друг твой не в силах отличить жеребца от кобылы! Что он понимает в лошадях, если даже масть назвать не сумел?

– Неужели он и вправду достиг этого? – воскликнул Бо Лэ. – Я не осмелюсь сравнить себя с ним, ибо Гао проникает в строение духа. Постигая сущность, он забывает несущественные черты; прозревая внутренние достоинства, он теряет представление о внешнем. Мудрость Гао столь велика, что он мог бы судить и о более важных вещах, чем достоинства лошадей.

И когда привели коня, оказалось, что он поистине не имеет себе равных».

Древняя притча для нас интересна тем, что в ней уже обозначены основные составляющие «топографической» гипотезы о двух параллельных мирах – сущности и явлении:

1. представление о том, что мир, помимо плотной вещественности и понятности, содержит в себе много неосоздаваемого и неясного, таинственного;
2. нетождественность мира видимого и мира понимаемого;
3. центрация внимания на внутреннем, предпочтение глубинного понимания;
4. уверенность в том, что подлинное всегда скрыто от простого наблюдения;
5. указание на большую редкость способности проникать в сущность.

Явление и сущность в пространственном аспекте предстают как поверхность и глубина, внешнее и внутреннее. Топографичность проявляется и в том, что здесь высказана идея о парадоксальном сосуществовании и несовпадении двух форм явления – внешней и внутренней (вороной жеребец и гнедая кобыла). Здравый смысл, которому доступна лишь внешняя сторона, уверяет нас, что у всех вещей может быть только одна четко определенная форма, но суть парадокса двойного бытия состоит в утверждении существования двух форм одновременно. Внутренняя форма скрыта и недоступна органам чувств, она всегда Тайна. Но, интуитивно догадавшись о ее существовании, мы начинаем высказывать предположения о ее свойствах и особенностях, выдвигать гипотезы, распутывать клубки метафор.

«Топографическая» идея о сдвоенной яви (или двух видениях единого мира) имеет хождение и в другом варианте. В изложении С. Франка это выглядит так: «Когда Галилей вопреки показаниям чувственной очевидности и настояниям авторитетов утверждал, что Земля вращается, он так же жертвовал очевидностью низшего порядка ради относительно высшей очевидности математического умозрения. <...> Высшая очевидность имеет преимущества над низшей, которая психологически хотя и действует сильнее на нашу природу, но логически имеет за себя меньше оснований, чем высшая очевидность, и по существу никогда не может опровергнуть последнюю, а может лишь <...> неправомерно вытеснить ее из нашего сознания, заглушить ее в нас» [15, с. 42]. Путь к высшей очевидности лежит через преодоление очевидности низшего порядка – чувственного и обыденного.

Платон о двойном бытии вещи

«Темпоральное» представление о двойном бытии рассматривает вертикаль как ось времени, а вертикальный вектор существования вещи как ее изменение или развитие.

Жиль Делёз [5, с. 13-14], описывая двойное бытие вещи, дает ссылку на Платона, который предлагал различать: «... (1) измерение ограниченных и обладающих мерой вещей, измерение фиксированных качеств — постоянных или временных, — всегда предполагающих паузы и остановки, фиксацию настоящего и указывание на предмет: выделенный предмет со свойственной ему величиной — большой или маленькой — в данный момент времени; а затем (2) чистое становление вне какой-либо меры, подлинное и непрерывное умопомешательство, пребывающее сразу в двух смыслах. Оно всегда избегает настоящего и заставляет будущее и прошлое, большее и меньшее, избыток и недостаток слиться в одновременности непокорной материи. («...Ни более теплое, ни более холодное, принявши определенное количество, не были бы больше таковыми, так как они непрестанно движутся вперед и не остаются на месте, определенное же количество пребывает в покое и не движется дальше»; «младшее — старше старшего, а старшее — моложе младшего. Но стать таковыми они не могут, потому что, если бы они стали, то уже не становились бы, а были бы»)¹.

«Темпоральная» гипотеза получила современное продолжение в представлении о двух типах мышления — *теоретическом* и *эмпирическом*, которое разрабатывал В.В. Давыдов [4]. Существенной характеристикой теоретического мышления он полагал видение объекта как развивающегося, в отличие от мышления эмпирического, сфокусированного на неизменных параметрах. Если эмпирический уровень мышления ограничен наблюдением, то теоретический уровень обобщения дает возможность понимать причины происходящих изменений, а также предвосхищать будущие преобразования изучаемого объекта в разных возможных вариантах течения событий. В.В. Давыдов полагал, что основы теоретического мышления можно и нужно формировать у детей уже в начальной школе [14].

Глубина «психологизма»

«Топографическое» и «темпоральное» представления о глубине входят составными частями в понятие «психологизма».

Вслед за Л.М. Баткиным [2, с. 62], под «психологизмом» мы будем «... разуметь не просто возможность разглядеть за внешностью и поведением индивида некие внутренние побуждения и страсти. <...> Побуждения эти неявные. Они требуют специальной ("психологической") проницательности. Отсутствие тождества внешнего и внутреннего, трудность и глубина психологизма объясняются, в свою очередь, тем, что каждый человек непохож на других. Он — особенный. И "психологизм" (в отличие от древних представлений о "психее" и "характере") есть проникновение прежде всего в индивидуальное, особенное. В психологизме вся суть во внимании к подробностям (чужой или своей) неповторимой душевной жизни, которая как раз этим, то есть "уникальностью", общеинтересна и ценна.

Далее. "Неповторимое" по определению нельзя раскрыть до конца. Ведь оно есть субъект, который не может быть присвоен другим субъектом <...>. На дне все равно остается тайна, придающая значительность также тому, что разгадано. Исчерпать тайну личности, докопаться до итога не дано даже в отношении себя самого. Ибо "тайна" коренится в том, что личность не равна себе, не окончательна и, продолжая жить, "перерешает" себя.

Такова нарабатанная за последние два века смысловая аура вокруг этих понятий».

Л.М. Баткин, обозначая параметры «психологизма», фактически открывает еще один вариант представления о вертикали-глубине. Это — живая индивидуальность человека, определяемая как таинственное *динамическое* образование, которое никогда не завершится. Оно обозначает «... уникальный, самоценный, довлеющий себе и не

¹ Платон, Филеб, 24d; Парменид, 154-155.

совпадающий с собой, неготовый, неисчерпаемый, одновременно структурированный и лишь возможный мир отдельного человека, мир со своим хаосом и своей твердью, определившийся, но продолжающий определяться с каждым новым выбором, поступком и т.п.» [2, с. 702].

Динамическая индивидуальность не просто то, что наделено глубиной, но сама глубина, неиссякаемый источник всегда свежей жизни, который наполняет наш нрав, характер и наши поступки особой значимостью. Кто не имеет этого первоисточника, для того жизнь является как блуждание без цели и назначения. Благодаря глубине исключительная индивидуальность предстает необозримой и каждое следующее деяние показывает нам ее новые стороны.

Два миропонимания

Есть основания предполагать, что предыстория «психологизма» коренится в противоречии между двумя миропониманиями – вероятностным и гипотетическим.

Вероятностное понимание оглядывается на прошлое при объяснении того, что наличествует и что может произойти, и потому в нем нет возможности предвосхищать то, чего никогда не было. В основе вероятностного миропонимания лежат две взаимосвязанные идеи – *креационизма* и *преформизма*, когда все возможные состояния однажды и навсегда сотворенного мира возводятся к внешним исходным причинам, они подчинены универсальным законам, и тем пресекается перспектива возникновения подлинного становления и новизны. Преформированное развитие есть репродуктивное воспроизведение, все этапы и метаморфозы которого, включая финал, заранее известны и предопределены исходно заложенным в объекте замыслом. Человек в однообразно кружащемся мире представлен как существо заверщенное, подчиняющееся вечным законам, лишенное собственной воли, а его индивидуальность – составленная из элементов внутренняя необратимая окаменелость, влекущая его по жизни и не способная к саморазвитию в каждом отдельном человеке. Вероятностное миропонимание наделяет людей рутинным мышлением, лишенном воображения и способности удивляться новому и непонятному. «Для того чтобы удивляться, почему Вселенная такова, какова она есть, нужно иметь понятие о том, что она могла бы быть иной, чем она есть» [6, с. 269].

В основе *гипотетического* понимания мира лежит сочетание идей *эволюционизма* и *нон-преформизма* – творческого, прогрессивного, вертикального развития. Это миропонимание открыто небывалому, невероятному. Все, что в этом мире принято считать вечным, абсолютным и неизблемым, на поверку оказывается временным, шатким и относительным. Будущее для такого понимания многовариантно и непредсказуемо, и поскольку все в мире изменчиво и случайно, то истина неуловима, преходяща, субъективна. Жизнь показывает нам, что сплошь и рядом под личиной окончательной истины прячется намеренная ложь или искреннее заблуждение. И слишком часто мы, поверив, что ступаем на прочный мост, внезапно проваливаемся в пропасть или трясину.

Эволюционизм гипотетического понимания ставит в центре незавершенного мира человека живого, целостного, сущность которого в том, что он есть бесконечно и безгранично развивающееся, переделывающее себя существо и все особенности его психики, его духовности связаны именно с этим. Совпадение идеи эволюционизма с идеей динамической индивидуальности можно рассматривать как указание на явное понятийное родство гипотетического миропонимания и «психологизма».

Множественность уровней понимания

Прежде чем начать вертикальное постижение индивидуальности мы должны для себя определить: какого уровня глубины понимания мы хотим достичь и что мы предполагаем там увидеть?

Тема множественности уровней понимания и связанной с этим коллизией смешения смыслов и языков обсуждается В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили в статье «Проблема объективного метода в психологии» [7, с. 11]: «Проблема психологического исследования осложняется и тем еще, что в нем чрезвычайно запутано отношение различных уровней языка, на котором мы вообще говорим о психическом. Мы имеем в виду наличную в психологии, как и в каждой науке, систему абстракций, определений, терминов, допущений и теоретических посылок, имеющую различный вид в зависимости от уровня, на котором ведется исследование, и изменяющуюся с каждым новым шагом анализа».

Стремление развязать или хотя бы ослабить туго стянутый узел разноуровневых понятий привело к попытке разграничить и сгруппировать разнообразные способы понимания индивидуальности, взяв за основу гипотезу об идеологической ортогональности горизонтали и вертикали, дополненную вышеизложенными представлениями о вертикали как глубине. При анализе способов понимания мы не опирались на заранее разработанную четкую схему, последовательность изложения и критерии разделения корректировались по ходу работы. Например, на одном из этапов возникла идея, что граница между горизонтальными и вертикальными способами понимания совпадает с границей между теми способами, которые признают *самоценность* индивидуальности, и теми, которые стараются ее не замечать либо активно отвергают. В конечном счете именно идея самоценности явилась определяющей при отнесении какого-либо способа к поверхностным или глубинным.

Аналитический способ понимания занимает первое место среди поверхностных – вещь или явление можно понять, если узнать из каких частей оно состоит и как они связаны друг с другом. Аналитический метод заточен под изучение внешнего, структурного и не срабатывает, если встает задача постижения невидимой внутренней сущности, поскольку каждый раз, когда мы разнимаем предмет на части, мы не находим никакой сущности и видим, осязаем лишь новые поверхности, снова и снова находим лишь внешнее.

В адрес этого способа понимания и неразрывно связанной с ним аддитивной стратегии выдвинуто немало критических замечаний, и все-таки привычка складывать целое из частей, элементов, единиц, атомов остается доминирующей. Аналитический способ вкупе с аддитивной стратегией использует большинство типологических исследований, где «постижение» индивидуальности обычно завершается причислением ее к определенному типу. На первый взгляд это решение выглядит наиболее эффективным, что противоречит реальности, ибо число известных на сегодняшний день типологий трудно перечислить. Клубок черт, особенностей, характеристик, параметров и свойств не поддается разумному осмыслению, а отсутствие критериев достоверности искусственных типических образцов приводит к тому, что вместо целостной индивидуальности мы получаем множество инвентарных списков индивидуальных различий. Попытки подменить целостную индивидуальность типом игнорируют уникальность, вместе с которой выбрасывается индивидуальность, поскольку каждый человек интересен именно своей необщностью, особостью, а не тем, на кого и чем он похож.

Иллюзии глубины

Системный, ипостасный и естественнонаучный способы понимания внешне похожи на глубинные, но по признаку отрицания самостоятельности индивидуальности мы отнесли их к поверхностным.

Системный способ – что-либо можно понять только тогда, когда оно входит в какую-либо систему в качестве элемента, выполняющего определенную функцию. «Понимание же состоит в соотношении понимаемого как части с неким более обширным целым, понимать что-то – это значит представлять себе место и роль этого «что-то» в

составе более обширного целого. Только в этом случае и само это «что-то» может быть понято как целое» [1, с. 35]. Следовательно, индивидуальность есть пустая форма, которой назначается смысл при включении в систему, где индивидуальность понимается под углом зрения ее полезности, возможности использования для целей внешних по отношению к человеку. Системный способ, вынося смысл индивидуальности за ее пределы, лишает человека свободной воли: если моя индивидуальность нужна только для того, чтобы я мог играть роль элемента, винтика в системе, то она делает меня куклой в чьих-то руках.

Среди системных способов остановимся на двух внешне различных, но внутренне схожих вариантах – *эволюционном* и *социологизаторском*.

Эволюционный способ понимания (в отличие от креационного) выстраивает все трансформации живых организмов в линейный временной ряд, связывая все воедино от улитки до Ньютона или Шопена. В общем течении эволюционного подхода, в основе которого лежит принцип выживания наиболее приспособленных организмов, можно разглядеть два направления, диаметрально противоположных друг другу по своей трактовке роли и места индивидуальности в эволюции – *финалистское* и *нефиналистское*.

Образец *финалистского* направления представляет теория Тейяра де Шардена, согласно которой все траектории эволюционного процесса сходятся в точке Омега, в которой происходит «сверхсинтез» и эволюция завершается [13]. Предполагается, что эволюция точно знает куда нужно двигаться, а потому решительно отсекает «ошибочные» линии развития, в результате все мутационные линии *конвергируют* и в бесконечно удаленном будущем должны сойтись в точку. Индивидуальность в таком ракурсе смотрится как случайный выброс, обреченный на заклание, в точке схождения линий развития индивидуальности нет, а есть усредненный человек без лица, универсальный, никакой. Исходя из этого, финалистский вариант эволюционного понимания индивидуальности следует отнести к поверхностным способам.

Представителем *нефиналистского* варианта эволюционного развития можно считать Герберта Спенсера [8], который формулировал универсальный закон эволюции как постоянный рост степени дифференциации материи и ее структурной организованности (это и есть, по его мнению, прогресс). В этом варианте фигура эволюции не провидит будущего, то есть не способна оценить, какие случайные качества окажутся необходимыми для успешной адаптации вида не только через миллиард лет, но даже через месяц. Слепая эволюция тащит на себе груз запасных индивидуальных особенностей на все случаи жизни и смерти. Поэтому линии развития *дивергируют*, а индивидуальность при этом выглядит положительной величиной, неслучайной случайностью. Тем не менее, и в этом варианте развития эволюции нет дела до отдельного человека, его индивидуальность лишь неотъемлемая часть паранойи эволюционного процесса, спящая потенция, которая скорее всего никогда не будет разбужена.

Социологизаторский способ рассматривает индивидуальность как частный случай дифференциации, наблюдаемой во всех природных системах. Любой организм развивается и совершенствуется посредством дифференциации и специализации органов и тканей, когда каждый орган выполняет в совершенстве отдельную функцию, полезную для всего организма. С точки зрения социологизаторских теорий специализированные индивидуальности взаимодополняют друг друга при объединении в общество, благодаря чему повышается его жизнеспособность. Индивидуальность в обществе оторвана от человека, второстепенна, она нужна лишь для того, чтобы крепче привязать человека к социальной функции, роли, профессии, способности.

Ипостасное понимание индивидуальности убеждает нас в том, что человек есть символ, знак, средство реализации чьей-то высшей воли. «Личность основана на ипостасном единстве с Богом, через Божественное Лицо определяется лицо индивидуальное. Отношения с другими личностями строятся на принадлежности к единой

человеческой ипостаси, то есть к единой сущности, подразумеваемой за различием индивидуальных существований» [17, с. 167].

Принадлежность к единой сущности лишает человека индивидуального смысла жизни, ибо он сливается в один общий смысл – непрерывно представлять эту сущность в бесконечных акциденциях. Реальна только единая для всех сущность, а индивидуальность человека есть фантом, тусклое отражение стоящей за ним сущности, пыль и тень. Человек «... должен знать свое скромное место и что даже сама индивидуальность человека есть греховная иллюзия, караемая смертью; лишь в добровольном признании себя служебным зависимым звеном мирового целого, лишь в смиренном приятии своей рабской зависимости от космоса и своего космического ничтожества человек покоряется божественной воле, исполняет свое единственное назначение и может надеяться не загубить себя» [15, с. 25].

Ипостасное постижение индивидуальности оставляет за пределами разумного понимания смысл непрерывного представления единой сущности в разнообразном виде. Остаются без ответа вопросы:

почему так важно, чтобы ни одна акциденция никогда не повторяла другую?

с какой целью единая партитура должна исполняться по-разному, в разных толкованиях, голосах, воплощениях?

Невольно закрадывается мысль, что истинной целью этого маскарада является сама пестрота, многообразие лиц и калейдоскоп масок.

Здесь просматриваются два варианта ответа, соответствующие еще двум различным способам понимания индивидуальности – *диалогическому* и *игровому*.

Диалогический способ предполагает, что на благодатной почве несходства и разобщенности может вырасти и действительно вырастает духовное общение, возникающее в пространстве межличностного диалога. Основоположником диалогического подхода считают Августина Блаженного с его пониманием Троицы не как линейности, а как диалога. Согласно Августину, «... в основе сущности Троицы (соотношения Божественных ипостасей) лежит такой феномен, как имманентный внутренний диалог самосозерцания, самопознания, общения и любви, — сущность Бога мыслится в качестве не рядоположенной ипостасям Троицы, но в качестве реализующей себя в процессуальности их диалога» [9, с. 10]. Поскольку индивидуальность здесь выступает как условие возникновения диалогического общения, как средство, а не цель, то мы не можем отнести диалогический способ к вертикальным.

За пределами диалогической интерпретации ипостасная индивидуальность уподобляется постоянно обновляющейся игре, спонтанному движению, лишенному конечной цели, бесконечному вращению сверкающего колеса. *Шоу-функция* индивидуальности как производное от ипостасного линейного представления тесно смыкается с представлением о случайности и ненужности индивидуальности, казусе эволюции, который используется для развлечения, раз уж больше ни на что другое не годится. Задача индивидуальности-игры – скрасить бессмысленность существования, разнообразить будни, отвлечь человека от грустных мыслей о бесперспективности поисков смысла жизни или неотвратимости конца. Такая индивидуальность безусловно обладает очень высокой внешней ценностью и волшебной энергией, питающей искусство развлечения и искусство вообще, но сам человек при этом становится рабом внешней стороны своей индивидуальности, подчиняет свое развитие вкусам публики, он только приправа к зрелищам, он интересен, пока нов. Шоу-функция – это путь, которым индивидуальность, теряя самостоятельность, уходит в песок зрелищ.

При **естественнонаучном** способе понимания индивидуальность рассматривается как индивидуальная форма воплощения всеобщей родовой сущности. У истоков естественнонаучного понимания стоит безусловно позитивное представление, что реальный мир вне нас существует в единственном варианте, но интерпретация мира у каждого своя. С научной точки зрения, индивидуальное восприятие дает искаженную

картину реальности, поскольку каждый человек видит мир таким, каким хочет его видеть, а не таким, каков он есть на самом деле. Естественные науки в своем неустанном стремлении к истине добывают ее как результат исправления ошибок субъективного восприятия. Многообразие взглядов преодолевается выделением постоянных, устойчивых элементов, вокруг которых происходит реконструкция реального мира. Понять здесь означает – усреднить, очистить всеобщее от шелухи индивидуальности. Индивидуальность с этой точки зрения есть тривиальная девиация, которую приходится терпеть за то, что она есть единственный способ существования всеобщего.

Варианты способов погружения

Переходя к описанию **глубинных** способов, мы прежде всего выделяем среди них группу *темпоральных*, которые рассматривают вертикаль как сукцессивность или как вектор времени. Сюда можно отнести такие способы понимания как исторический и дискурсивный. Понять означает здесь – узнать как явление возникло и развивалось, реконструировать и экстраполировать этапы и стадии развития.

Исторический (археологический, культурно-исторический, социогенетический и т.п.) способ понимания предполагает, что индивидуальность завернута в большой ветхий свиток многовековой истории, аккуратно развернув который, мы сможем объяснить истоки, причины возникновения и развития, этапы, возможные трансформации и т.п. В отличие от эволюционных, исторические способы понимания занимаются только человеком, полагая индивидуальность чисто человеческой особенностью; они сосредоточены на реконструкции строгой временной последовательности, порядка следования этапов развития, хотя установить в историческом процессе его этапы еще не означает его понять.

Ближе к пониманию стоит **дискурсивный** способ – особый случай среди темпоральных, потому что он выстраивает динамическую последовательность метаморфоз явления не в строгом хронологическом порядке, а в соответствии с логикой эволюции идей. Возможность произвольного перекраивания хронологической реальности существует исключительно благодаря воображению, способному расчленять действительность на части и комбинировать группы идей в соответствии с логикой того или иного дискурса. Но, главное, что в отличие от исторического способа понимания здесь в последовательный ряд может быть добавлен элемент гипотетического будущего, которому передается организующая и направляющая роль.

По этому поводу нужно процитировать Мишеля Фуко: «Предшествование не может служить мерилom для настоящего, напротив, оно само зависит от оценки настоящего или даже будущего. С этой точки зрения, вновь возникающие идеи не отступают в прошлое в ногу со временем, одни – далекие, но значительно опередившие свое время, сверкают нам, как близкие звезды, другие, даже будучи нашими современниками, едва мерцают. Идеи не выстраиваются в соответствии с линией времени, но группируются в некие осмысленные фигуры, одни – расплывчатые, другие – относительно четкие и устойчивые. Типы сопряжения последовательно появляющихся идей никогда не выполняются путем простого нагромождения или соположения последовательных элементов. Каждая действительно новая идея не зависит от прежних, напротив, старые идеи постоянно в корне переосмысливаются под влиянием новых идей, перегруппировываются и реорганизуются. Таким образом, прошлое выступает не как раз навсегда застывшее образование, но предстает перед нами как вновь обретенная истина, как то, что подлежит преобразованию, как изменяющийся объект, и даже более того – как субъект, с которым можно и необходимо разговаривать» [16, с. 130].

В группу глубинных *«топографических»* способов мы отнесли сущностный и полифонический. В отличие от темпоральных способов, движение по вертикали здесь

понимается не как последовательное движение вдоль оси времени или оси дискурса, а как одномоментное интуитивное проникновение в сущность, во внутреннее.

Сущностный способ держится на представлении об ограниченности наших органов чувств, для которых доступна лишь внешняя оболочка мира, а также на вере в единственность невидимой сущности, содержащей абсолютную истину. Этот способ отличает предрасположенность к глубинному пониманию и допускается, что человек имеет (или способен обрести) высшую (надприродную) тонкость видения, благодаря которой он «зрит незримое», проникает в закрытые для обычных органов чувств сферы.

В отношении индивидуальности сущностный способ утверждает одновременное существование двух форм – внешней и внутренней, для себя и для других. Две формы индивидуальности подчиняются разным законам, у них разный генетический код, но настоящей полагается только невидимая внутренняя индивидуальность, а внешняя индивидуальность предназначена для социального общения или для защиты внутреннего мира.

«Защитись от реальности жизнью двойною,
Не давай покушаться на тайны твои,
Ни морщинкой не выдай на гордом челе,
Что душа твоя – сад за высокой стеною,
Но такой, где одни сорняки да репы
И сухие былинки на скудной земле» [9, с. 113].

Полифонический способ – объемный, стереоскопический. Понять в этом случае – значит увидеть что-то одновременно со всех сторон, во всех его функциях, проявлениях и противоречиях. Этот способ, как и сущностный, признает множественность, многослойность мира, но есть и важное отличие – вера в субъективность истины. Ни одно субъективное суждение о предмете не может быть окончательным и единственным, ибо точка зрения предполагает неподвижность наблюдателя, ограниченного плоскостным видением. Чтобы понять предмет, исследователь должен научиться видеть явление со всех сторон, то есть двигаться вокруг явления самому либо признать все существующие точки зрения как одинаково верные (или одинаково ложные), даже если они противоречат друг другу. Возможность движения вокруг явления путем перехода от одной точки зрения к другой (при условии плюральности всех точек зрения) предполагает наличие у наблюдателя высокой интеллектуальной лабильности, способности к самоизменению и толерантности к иному.

Психологический способ понимания завершает наш анализ, но по значимости он занимает первое место, поскольку стремится вобрать в себя все, что содержится в других глубинных способах. Этот способ исходит из понятия «психологизма» [2, с. 62], где индивидуальность человека представлена как таинственное динамическое образование, которое непрерывно развивается и никогда не завершится. По всем выбранным нами критериям психологический способ несомненно следует отнести к глубинным, но главное, что в центре «психологизма» находится понятие *самоценной личности*, то есть индивидуальность не рассматривается через призму внешней полезности, но как самоценность, как то, ради чего стоит жить: неповторимость нашего опыта, уникальность впечатлений и переживаний и т.п.

Л.М. Баткин пишет о беспрецедентности понятия самоценной личности: «То был не просто переход от одной традиционалистской модели (так или иначе основывающей достоинство индивидуальности на включении в надындивидуальный Порядок и Путь) к другой модели того же класса, а переход к новому классу моделей – к обоснованию индивидуальности из нее же самой: «вот этого» не как части и производного, но как актуального всеобщего» [2, с. 15]. Новизна понятия самоценной личности заключается в том, что оно позволяет вывести индивидуальность за пределы внешней причинности, что означает безусловный отказ от трактовки изменений, происходящих в психике человека,

как пассивной реакции на внешние воздействия и осознанный переход к пониманию изменения как самоорганизации: «от пассивного бытия к активному становлению».

От объяснения к пониманию

Нужно сказать, что в предложенном методе разграничения способов постижения индивидуальности можно увидеть закономерности общего эволюционного перехода от объяснения к пониманию.

Поверхностные и псевдоглубинные способы построены по традиционному объяснительному принципу, основанному на вероятностном миропонимании, ограниченном наблюдением многообразия явлений без каких-либо попыток понять внутренние причины наблюдаемого, то есть понимание приравнивается к фиксации явления и его описанию с комментариями. Главная особенность объясняющего подхода в том, что он стремится связать то, что происходит, с тем, что уже было ранее, упростить, свести непонятное к давно известному, втиснуть новое содержание в старые привычные формы. Выбирая тот или иной готовый образец, человек отмахивается от всего нового, подменяет истинное понимание объяснительным толкованием.

Глубинные способы основаны на гипотетическом миропонимании и представляют понимание нового типа, главным принципом которого является: «соизмерять то, что есть на самом деле, не с тем, что было, а с тем, что могло бы быть». Результатом такого понимания является не выбор уже известного образца, ритуала или алгоритма, а внутреннее переустройство, кардинальное изменение картины мира самого субъекта, самотворчество. Таким образом, поворот от объяснения к пониманию означает переход от вероятностного представления мира к гипотетическому, от горизонтали к вертикали.

На актуальность и принципиальность различия объяснения и понимания как разных целей познавательной деятельности указывает М.Ф. Румянцев: «В гуманитарном знании, начиная с рубежа XIX-XX вв., ясно обозначилась оппозиция номотетического и идиографического подходов. <...> если номотетические направления ставят задачу объяснения исторической действительности (отсюда и их прогностическая функция), то идиография преследует цель понимания культурно-исторических феноменов. Отсюда следует очевидное: идиография сохраняет гуманитарный характер исторического знания. Именно поэтому на ее путях сейчас и идет поиск выходов из кризиса объясняющих подходов.

Различия «объясняющих» и «понимающих» подходов имеют и глубокий этический смысл. «Объясняющий» подход и его прогностическая компонента обычно отводят человеку место составляющей в системе, действующей по «объективным законам», что снимает с личности значительную долю ответственности. Может быть, именно поэтому «объясняющие» подходы психологически более комфортны. Задача «понимающего» подхода – адекватное понимание окружающей реальности с целью реализации свободы воли, принятия ответственных решений в индивидуальной и социальной жизни» [11, с. 170].

Вместо заключения: расширенный «психологизм»

Понятие динамической индивидуальности – одно из основных составляющих концепции «психологизма» – само по себе является динамичным, открытым для развития и расширения, что позволяет видеть новые перспективы, повороты и пласты в проблеме индивидуальности. В контексте данной статьи анализ трех взаимосвязанных постулатов динамического подхода к индивидуальности (непознаваемости, неаддитивности, незавершенности), проведенный мною ранее [10], можно было бы дополнить двумя замечаниями.

Первое. В свете гипотетического миропонимания динамическая индивидуальность предстает не просто тайной, но Тайной вдвойне, ибо в гипотетическом представлении постижение индивидуальности достигается не через *сходство* с собой прошедшей (завершенной и известной), но через *отличие* от себя будущей (незавершенной, случайной и неизвестной).

Второе. Динамический подход может быть существенно развит и дополнен, если в свете современных философских исследований рассмотреть индивидуальность не как устойчивую иерархическую структуру, а как ризоморфную² среду, не имеющую единого управляющего центра и обладающую внутренним креативным потенциалом самоорганизации. Источником трансформаций динамической индивидуальности выступает не причинение извне, а внутренняя нестабильность и нон-финальность, обусловленная ее потенциалом самоварьирования; поэтому индивидуальность как ризома может развиваться куда угодно и принимать любые формы.

Реализация креативного потенциала самоконфигурирования осуществляется через разрешение основного противоречия индивидуальности – противоречия между стабильностью и подвижностью. Индивидуальность умеет говорить на двух языках – на языке движения и на языке пауз и остановок, она отличается одновременно и наибольшей твердостью, и наибольшей податливостью, властностью и большой покорностью человеку, умеющему изменять ее для своих нужд. Осознавая свою индивидуальность как границу своих возможностей, человек обозначает ее, чтобы преодолеть. В соответствии с этим принципом, развитие динамической индивидуальности не может происходить в виде безостановочного ускользания или непрерывного плавного перетекания неизменного содержимого из одной формы в другую; самоорганизация ее происходит путем смены одного варианта фиксированности другим вариантом, это своеобразное *пульсирующее* преобразование, являющее каждый раз *не новые стадии, но новые версии* бытия индивидуальности. Это значит, что ни один из вновь появляющихся вариантов динамической индивидуальности не может рассматриваться как правильный и завершенный – они все открыты и равноправны. Понятие ризомы допускает как последовательное, линейное преобразование, так и параллельное, сетчатое, когда каждая следующая версия индивидуальности становится точкой бифуркации, то есть возникновения не одной, а двух или даже более одновременно реализуемых линий развития.

Расширенная этими существенными дополнениями смысловая аура «психологизма» может внести свой немаловажный вклад в осуществление глобального поворота современной культурной и научной исследовательской парадигмы. Основные параметры этого поворота пунктуально могут быть обозначены следующим образом:

1. от естественнонаучного к гуманитарному подходу, что проявляется прежде всего в толерантности к субъективному, стремлении вернуть ему утраченный онтологический статус;
2. от номотетики к идиографике, то есть перенос внимания с общего (или типического) на особенное (исключительное), включая безусловный отказ от аддитивного подхода;
3. от горизонтали к вертикали, от поверхности к глубине, то есть сосредоточенность внимания на внутреннем;
4. от центрации внимания на статике к фокусировке его на динамике;
5. от абсолютной объективной (глобальной, фиксированной) истины к относительной субъективной (точечной, плавающей);

² Ризома – понятие философии постмодерна, фиксирующее принципиально веструктурный и нелинейный способ организации целостности [8, с. 884].

6. от центризма к плюрализму;
7. «от пассивного бытия к активному становлению».

Литература:

1. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. – М., 2001.
2. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. – М., 2000.
3. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. – М., 1986.
4. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. – М., 1996.
5. Делёз Жиль. Логика смысла. – М., 1995.
6. Джемс У. Психология. – М., 1991.
7. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. – 1977, №7.
8. История философии: Энциклопедия. – Минск, 2002.
9. Пессоа Ф. Лирика. – М., 1978.
10. Печенков В.В. Индивидуальность: единство несовместимого // Ж. Культурно-историческая психология. – 2006, № 2.
11. Румянцева М.Ф. «Теоретическая игра» как способ исторического познания // Ж. Мир психологии. – 1998, № 4.
12. Сэлинджер Дж.Д. Выше стропила, плотники. Повести. Рассказы. – М., 1999.
13. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М., 1987.
14. Трофимова Я.И., Чудинова Е.В. Как младшие школьники понимают, что такое развитие // Вопросы психологии. – 1998. №2.
15. Франк С. Смысл жизни. – Берлин, 1925.
16. Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996.
17. Штейнер Е.С. Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М., 1990, с. 164-190.

Поступила в редакцию 26.10.2008 г.

Сведения об авторе

В.В. Печенков – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник МГППУ и Психологического института РАО.

E-mail: vvpech@mail.ru